

Артем Эдуардович – известный в России и за рубежом автор статей и монографий о современных поэтах и поэзии, лауреат премий «Эврика» и «Anthologia». В 2013 году он в составе экспертного совета работал над созданием гимна Республики Татарстан.

В последний день марта в Итальянском институте культуры в Москве озвучили имена обладателей премии «Белла» этого года. Эссе **«Три современных стихотворения»** преподавателя КФУ было признано лучшим в номинации «Литературно-критическое или биографическое эссе о современной поэзии». Церемония награждения победителей пройдет 21 апреля в городе Виченца, в Италии.

Не буду скрывать, что с Артемом Скворцовым мы знакомы много лет – в одно время учились на филфаке Казанского университета. Его глубокие познания в области литературы и искусства поражали студентов и преподавателей уже тогда. Несколько раз четверокурсник Скворцов проводил у нас, пятикурсников, занятия по современной литературе. Видимо, поэтому наше интервью получилось немного неформальным.

– **Артем, насколько мне известно, ты со школы серьезно занимаешься изучением современной российской поэзии и сегодня являешься признанным экспертом в этой области. Не надоело столько лет возделывать одну и ту же «ниву»?**

– Действительно, до недавнего времени я писал в основном о современных поэтах. Их довольно много, жизни не хватит, чтобы всех обозреть. За четверть века я и половины не описал того, что есть в современной поэзии. Но сейчас меня уже интересует русская поэзия в целом – и фольклор, и литературная, начиная с XVIII века. Пусть и не много, но я писал о Державине, о Пушкине, о Случевском... Главное, что меня занимает и представляется важным, – это связи между классикой и современностью, традиция, как она живет, развивается.

– Премия «Белла» учреждена в память о Белле Ахмадулиной. Что касается тебя, ты так и не добрался до анализа творчества этой поэтессы...

– Премия «Белла» присуждается не за изучение произведений одного конкретного автора, но вообще за исследования в области современной поэзии. Пока никто из победивших в номинации «эссе», а до меня лауреатами становились известные филологи и критики Александр Жолковский, Ирина Сурат, Владимир Губайловский, не получали премию за работы об Ахмадулиной.

– Премией отмечено твое критическое эссе. Позиционируешь себя как критик?

– Оно, кстати, не такое уж и критическое, скорее, литературоведческое. Нет, я филолог и занимаюсь в основном традиционными для литературоведа «вещами» – анализом художественных текстов, написанием статей, монографий, учебных пособий. Лет пятнадцать назад мне позвонил редактор московского журнала «Арион» и попросил написать критическую статью. С тех пор 1-2 раза в год я печатаюсь в центральных российских изданиях в качестве критика.

– Как ты думаешь, кого из современных поэтов будут изучать в школе?

– Давать такие прогнозы – дело неблагодарное. Сейчас эпоха расцвета русской поэзии. Существует множество авторов, чье творчество заслуживает внимания, среди них Олег Чухонцев, Евгений Карасев, Вячеслав Куприянов, Сергей Гандлевский, Алексей Цветков, Игорь Иртеньев, Ирина Ермакова, Марина Бородинская, Вера Павлова, Максим Амелин... Десятки, если не сотни авторов пишут сегодня оригинальные, очень интересные и талантливые стихи. У нас страна удивительная, только стихотворцев-дилетантов – около 2 миллионов человек.

– Откуда такая точность?

– Это число достоверное, ведь существуют российские сайты, где

может зарегистрироваться каждый, кто пишет стихи.

– Некоторые поэты ведут блоги, у тебя он существует?

– Лет 6 назад у меня был «Живой журнал», очень скромный, предназначенный исключительно для филологов. Писал я там под псевдонимом и в основном о классике. Задачей было установить контакты с людьми, с которыми не имелось возможности познакомиться иначе, как через соцсети. Когда это получилось, я свой «Живой журнал» «убил». Блог отнимает слишком много времени и сил. Вообще, соцсети – вещь специфическая, они затягивают, отнимают энергию. Не всегда эта энергия уходит на что-то осмысленное. У меня нет проблем с каналами распространения и потребления информации. Если филологу есть что сказать, он отправляет статью в какое-либо профессиональное издание, где ее увидит подготовленный читатель. Важно не только высказаться, не менее важно, чтобы тебя прочли понимающие люди, с которыми можно вести диалог. Для этого существуют вполне определенные площадки.

– А с высокорейтинговыми журналами ты сотрудничаешь?

– Да, к примеру, литературоведческий раздел журнала «Новый мир» входит в международную базу данных «WoS». Кроме того, журнал довольно широко читается. Но вообще у русистов, у литературоведов есть такая системная проблема. Мы ограничены языком не только потому, что пишем на русском, затем переводим, но и потому, что пишем о русской культуре, литературе и языке. Много ли найдется за пределами России тех, кому это интересно? Наши журналы должны быть билингвальными, выходить на двух языках. При этом они должны ориентироваться, в первую очередь, на внутреннего потребителя.

– В университете примерно полвека существует поэтический клуб «ARS». Ты бываешь на его заседаниях? Как относишься к современным казанским поэтам?

– Признаться, давно не посещал «ARS». На самом деле, для меня не столь важно, где человек проживает. Не очень продуктивно

делить поэтов на калужских, саратовских, казанских, новосибирских и так далее. К сожалению, не так хорошо знаю молодых поэтов Казани в возрасте от 20 до 30 лет, за всем не уследишь. Что касается состоявшихся поэтов старшего поколения, то к ним могу отнести Алексея Остудина, Сергея Кудряшова, Тимура Алдошина и, конечно, в этом ряду первый – наш живой классик Николай Беляев, основатель студии «ARS».

– Какими тиражами выходят современные поэтические сборники, не рассчитанные на массовый вкус?

– Обычно от 300 до 1000 экземпляров. Кстати, сборники поэзии Мандельштама, Гумилева, Ахматовой печатались такими же тиражами. Это нормально. В любую эпоху понимающих поэзию людей было немного.

– Ты работал в составе экспертного совета при комиссии по подготовке гимна нашей республики. Что было самым сложным?

– Мы рассматривали несколько вариантов отобранных для нас текстов. Выверяли с точки зрения лексики, стилистики не только каждое слово, каждую букву! Нам пришлось решать много социокультурных и лингвистических задач. Мы проверяли, насколько соответствуют друг другу русский и татарский тексты, насколько хорошо слова ложатся на музыку. Работая в качестве эксперта, я получил уникальный опыт.

– В одном интервью ты упомянул, что ты – «не книжный червь». Чем занимается автор более 120 научных работ в свободное время?

– Его очень мало, поскольку у меня большая семья. Растут трое сыновей, и значительную часть времени я посвящаю им. Тем не менее, каждый день стараюсь читать книги, журналы, интернет. Я немного «сумасшедший» читатель, поскольку в основном читаю стихи и все, что вокруг них. У меня есть условная норма: в день прочитываю несколько десятков новых стихов. Увлекаюсь кино, люблю музыку.

– В университете ты преподаешь курс, посвященный кино.

– В том числе и ради этого регулярно смотрю классику мирового кинематографа. Год назад настолько увлекся старым черно-белым кино, что вообще забыл о существовании цветного.

– Какое кино стало для тебя открытием?

– Относительно недавно наконец-то увидел фильм Лукино Висконти «Леопард», созданный в 1963 году, он меня совершенно потряс. С большим интересом смотрел пятичасовую немую киноэпопею Фрица Ланга «Нибелунги», созданную в 1924 году.

– А какие фильмы ты смотришь со своими детьми?

– Сыновья пока маленькие, младшему – год, среднему – четыре, а старшему скоро исполнится шесть, поэтому мы вместе смотрим преимущественно мультфильмы. Хороших сегодня много. Если говорить о российских, то самое сильное впечатление производит сериал «Смешарики». Непростые сюжеты, очень тонкие отношения между персонажами, богатые диалоги, яркие характеры.

– Что-то изменилось в тебе с рождением детей?

– Еще бы. Дети воспитывают нас гораздо больше, чем мы их. Благодаря сыновьям я понял, насколько ограничен в некоторых сферах: психологической, педагогической. Дети являются «механизмом скоростного взросления» для родителей, если, конечно, родители к этому готовы.

– Кем бы ты хотел видеть своих детей в будущем?

– Об этом говорить рано, но главное, чтобы они любили свое дело. Целенаправленно растить из них филологов не собираюсь. Есть такие профессии, где надо обладать выраженными способностями. Быть посредственным музыкантом, например, бессмысленно.

– Мне почему-то кажется, что дома у тебя должно быть гигантское количество книг.

– И да, и нет. Библиотеку начали собирать родители, у них находится бóльшая часть книг, потом к этому процессу присоединился и я. Дома у меня примерно 1,5 тысячи томов, у родителей где-то 5 тысяч. Если добавить к этому электронные книги, то получится, что семейная библиотека насчитывает около 10000 экземпляров.

– Среди них есть редкие издания?

– Мы не библиофилы, но и в нашей коллекции есть книжные редкости. Например, заслуживает внимания Библия конца 19 века, есть раритеты советского периода, а также книги, изданные в Америке и во Франции в 60-70 годы, так называемый «тамиздат». В основном это произведения русских религиозных философов.

– Интересно, как взаимодействуют сейчас российские и западные поэты?

– Связи очень неплохие. Сейчас российская поэзия естественно включена в европейский мировой контекст. За рубежом есть специалисты, которые изучают русскую поэзию. Есть переводчики, которые достаточно регулярно переводят наши стихи на европейские языки. Создается впечатление, что только мы сами, жители России, не до конца понимаем, какими богатствами располагаем.

– Почему?

– У нас есть люди, готовые воспринимать современную поэзию, но они не всегда знают, где и что искать. «Навигаторов» крайне мало. Недостаточно издается качественных современных антологий, которые всегда пользуются спросом, не хватает и собраний сочинений классики.

– Выпуск таких изданий – задача государства?

– Если академических собраний сочинений, то конечно. Группе энтузиастов подобное не под силу.

– Что, например, на твой взгляд, просто необходимо заново

издать из классики?

– Как ни странно, многое. Например, сделать, наконец, полное собрание сочинений Вяземского. И Державина, 200 лет со дня смерти которого исполняется летом 2016 года...

– То есть памятники этим поэтам есть, а их полных собраний сочинений не существует?

– Последнее собрание сочинений Державина вышло во второй половине XIX века. По тем временам издание просто феноменальное. Оно считалось полным, но таковым на самом деле не являлось. Насколько известно, до сих пор в архиве есть неопубликованные тексты Державина.

– Над чем ты сейчас работаешь?

– Замыслов и обязательств много. Пишу книгу, посвященную творчеству Олега Чухонцева, одного из крупнейших русских поэтов. У меня более 20 работ о нем, хотел бы сделать полноценную монографию, на это уйдет года два-три, не меньше. Кроме того, вместе со своим коллегой Алексеем Саломатиным, тоже выпускником КФУ, недавно занялся большим обзором современной русской поэзии, поскольку подобных изданий ощутимо мало. Студенты постоянно спрашивают, где найти некий справочник, «поисковик» по современной поэзии. Мне долгое время казалось – такая книга вот-вот появится, но в какой-то момент понял, что просто необходимо взяться за нее самим.